

ВОСПОМИНАНИЕ О РАДУГЕ

С Чингизом Айтматовым в горах Тянь-Шаня

вашей непосредственную, внешнюю реальность, как тайну, как любовь.

За самой дальней вершиной, в нехватности небес, стоит радуга.

— Значит, чтобы увидеть радугу, должно пережить «тайну радуги»? — спрашиваю я. — В чем она?

— Не знаю. Да этого и нельзя знать заранее. Но если, глядя на воздушный мост, осознаешь себя невыразимо счастливым — то благодаря тому, что видишь... чудо, а не просто созерцаешь физическое явление природы.

Наверное, ТАК любовался бы родной землей человек, возвратившийся домой из долгого и полного опасных приключений путешествия. Однажды Чингиз Айтматов сказал, что, оказавшись он в космосе, о Земле, «планете людей», грезил бы образом Шенера.

Шекер — эил, где родился Айтматов, где живут люди, многие из которых так похожи на героев произведений писателя.

Греза о земле, о человеке... Может быть, в этом сокровенная тайна его творчества, образ его художественного мышления? Магический кристалл, сквозь который писатель и его герои смотрят на мир — неизбежное и неутолимое чувство родины, озаренное «воспоминанием» о будущем. Это чувство, по Айтматову, включает человека в историю, в народ, в человечество. В предисловии к повести Мухтара Ауэзова «Лихая година» Айтматов писал:

«И потому только за одно это — за то, что Октябрьская революция, родившись в России, сокрушила имперский

колониализм и тем самым спасла мои народы от физического истребления, я готов славить революцию до конца дней своих и детям детей своих завещаю: считать началом дней наших — Октябрь!» Эту идею исповедуют лучшие из героев писателя. В них она обрела яркое и полное выражение.

Но прежде он открыл ее в конкретных людях, когда, будучи корреспондентом «Правды», исходил пешком, объездив на коне и на машине всю Киргизию, и теперь, встречаясь с земляками как депутат.

Чингиз Айтматов — не «кабинетный» писатель. Он постоянно в думах и заботах о людях. Их насущные нужды — главное, что волнует его. Их чувства и мысли, преобразенные творческим вдохновением художника, являют всему миру красоту и величие человека-творца. Человека, возродившего к жизни.

Примечательно, что по дороге мы не раз останавливались: люди узнают своего писателя. И каждый хочет с ним поговорить. И это не праздная беседа, а необходимый разговор о жизни, о делах, просьба о помощи или обращение за советом. И тут же бытовые, назальные бы, впечатления он переводит в разговор об искусстве: «Прекрасное — идея, которую нужно выстрадать». И еще: «Голая натура без поэзии — плоский, неподвижный быт, в котором могут быть лишь сомнительные удоволь-

ствия, но исключен восторг и фантазия желаний, дающие человеку ощущение бессмертия».

...Помнится, в беседе о Толстом Чингиз Айтматов, перелистывая его дневники, остановился на такой записи: «Любовь уничтожает смерть и превращает ее в пустой призраки, она обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное, из несчастья делает счастье...» И вот эхо толстовской мысли отозвалось в горах Тянь-Шаня.

...Пока мы с Ормоном, молчаливым, бесстрашно лихим шофером, раскладываям костер, думаюется, что бессмертия — то состояние, которое герои Айтматова обретают в первые глубочайшей страсти, ибо сила любви, каную они испытывают так велика, что ее нельзя вынести в себе, утаить, не вырази, как это сумел юный Сеит, нарисовав Джамилю и Данияра счастливыми (и тем самым ребенок оправдал и благословил любовь взрослых), как безымянный мальчик из «Белого парохода», подумав: «Не знаю, почему мне становится так жаль моего деда, и я так люблю его, что хочется плакать...»

Мы продолжаем беседу... Речь идет о природе, о смысле искусства. И в этот момент изза гребня-пригорна появился ребенок с желтым цветком в руке. С неменьшим удивлением, чем мы на него, он устремил свой взор на нас. Но ни испуга, ни волнения. Он словно принял нас и сведению, опустился на колени и стал разглядывать что-то на земле. Наверное, его внимание привлекли муравьи, которых здесь множество.

— Вот, посмотри. — тихо говорит Айтматов. — Мир подозревает о такой необыкновенной душе. Ведь сейчас

на наших глазах совершается величайшее открытие — всматриваясь в движение живых существ, будущее человечество утверждает свою сердечную связь с живой природой. Если бы, став непоправимо взрослыми, мы не могли, не смели забывать этих священных мгновений единства с жизнью! Разве не в ту пору блаженного неведения и беспечной отваги нас посетили «вечные» вопросы бытия — о тайне жизни и смерти, потрясшие все наше существо... Правда, это, может быть, кончится через миг, час или неделю, когда дитя человеческое наступит ногой на муравья.

— Почему это должно случиться?

— От страха, который мы, взрослые, вольно или невольно внушим ребенку, предупредив, что «муравьи кусаются». Или что «люди злы, думают только о себе»... Я говорю сейчас о конкретной матери, которая с помощью подобной философии воспитывает своих детей, полагая, что так готовит их к жизни. Нет, нам надо воспитывать человека бесконечно добрым, бескорыстным, беззаветно отважным, каким он, естественно, был в детстве и каким может вспомнить себя.

— Но сколько между тем мы знаем людей, которые, благополучно забыв детство,

не испытывают какой-либо потребности вспомнить его. — Может быть, нам оставить подобных людей в «покое»? Нет. В том-то и суть, что такие люди безбидны лишь до поры. Их агрессия проявляется в тот момент, как они вдруг видят счастливого человека. Он раздражает их, пробуждает комплекс неполноценности, животную ненависть к тому, кого они считают «незаконно» счастливым. Он разоблачает их душевную ущербность, убожество стремлений и желаний.

— Возможно, и не подзрвая об этом?

— Тем более, просто фактом своего существования. Да возьмем себя: сначала ведь не принимаешь какого-то человека инстинктивно, а уж потом, задумавшись, понимаешь, что в нем тебе полюбилось или, наоборот, раздражало, — самодовольство, пошлость, зависть и т. д.

— Так что счастливым быть опасно: можно, не желая того, вызвать мстительный гнев «Орозкула»? Ведь его психологию вы имели в виду?

— Если хочешь. А что касается «быть или не быть» счастливым — это, по-моему, сознательно стремиться к такому состоянию души, когда греза детства вдруг возникнет перед внутренним взором в живых образах

дорогих и близких людей, которым ты (пусть на мгновение) смог вернуть жизнь.

— Но, согласитесь, для некоторых взрослых вспомнить больно, больнее всего...

— Это правда. И все-таки «рассчитаться» раз и навсегда, «забыть детство» — забыть самое святое, что может быть у человека. Это голос матери, звавшей тебя самыми ласковыми именами, какие только есть на свете, суровую нежность отца, возможно, и не слишком часто сажавшего тебя на колени. Человек, не помнящий детства, как бы и не жил, явившись в мир неизвестно откуда. Он существует вне времени, вне людей. Ему нечего сказать будущему.

— Мне кажется, эту идею — «слово к будущему» — вы стремились выразить через образ Толгонай, героини «Материнского поля», которая неотвратимо и неизбежно приходит к исповеди, принимая ее как долг. Долг «поведать правду всей жизни». Правду, которую она выстрадала вместе с народом.

— Да, моральное право на правду всей жизни — не просто абстрактно-философский вопрос абстрактного гуманизма, который достаточно решить человеку, писателю, если он не хочет неизвестно чем ограничиться полуправдой, что, как известно, хуже лжи. Это вопрос гражданской совести. Вопрос социальной справедливости. Со

исторического мироощущения в том, что сегодня любой человек уже не имеет права на «нейтралитет», не может взирать на мир глазами «непосвященного» в горе и страдания, которые, может быть, острее и глубже всех переживают дети. Почему? Потому, что им, как воздух, необходима надежда. Лишить детство всерьез в будущее — лишить жизнь смысла. Если говорить о Толгонай, то ею движет именно это стремление — внушить внуку любовь к жизни, к народу, на кого он не должен затаить обиду. Важно, поняв правду, простить все, что можно простить человеку. Но, подчеркиваю, человеку.

Легко ли решиться на исповедь? «А кто сказал, что легко? Толгонай мучительно готовится к ней, чтобы вызванные памятью образы людей, впечатления и чувства не «убили» ее... Да, тут нужно быть очень осторожным». «То есть условие исповеди — осторожное слово, которое вместе с тем, по ее мысли, должно быть своевременным и раскаленным, как железо, чтобы дойти до самого сердца? Что же это за слово?» «Слово поэзии. Поэзия — код общения взрослого и детского миров».

— Настоящего с будущим?

— Да, в этой волнующей гармонии, если она возникает, проявляется закон бытия, а следовательно, и искусства.

На стекле «газика» — капли дождя. Казалось, дождь зарядил надолго, но солнце на этот раз победило. Мы с Чингизом Айтматовым едем в горы.

— Там и поговорим. В дороге он то и дело спрашивает:

— Ну что, видел ты что-нибудь подобное?

В голосе восхищение и гордость. «Нет ничего радостнее, чем делиться прекрасным...» Эта мысль писателя, высказанная, правда, по иному поводу, вспомнилась вдруг. Потом я догадаюсь: дело не в том даже, что ты не видел «что-нибудь подобное», но в том, что вот так, необходимо, освободив тебя от суеты вопросительных обязанностей «журналиста», Чингиз Айтматов подарил самое дорогое — возможность открытия. Он хотел, чтобы я видел.

— Видишь, если пережи-

Сов. кувьча, 1979, окт.